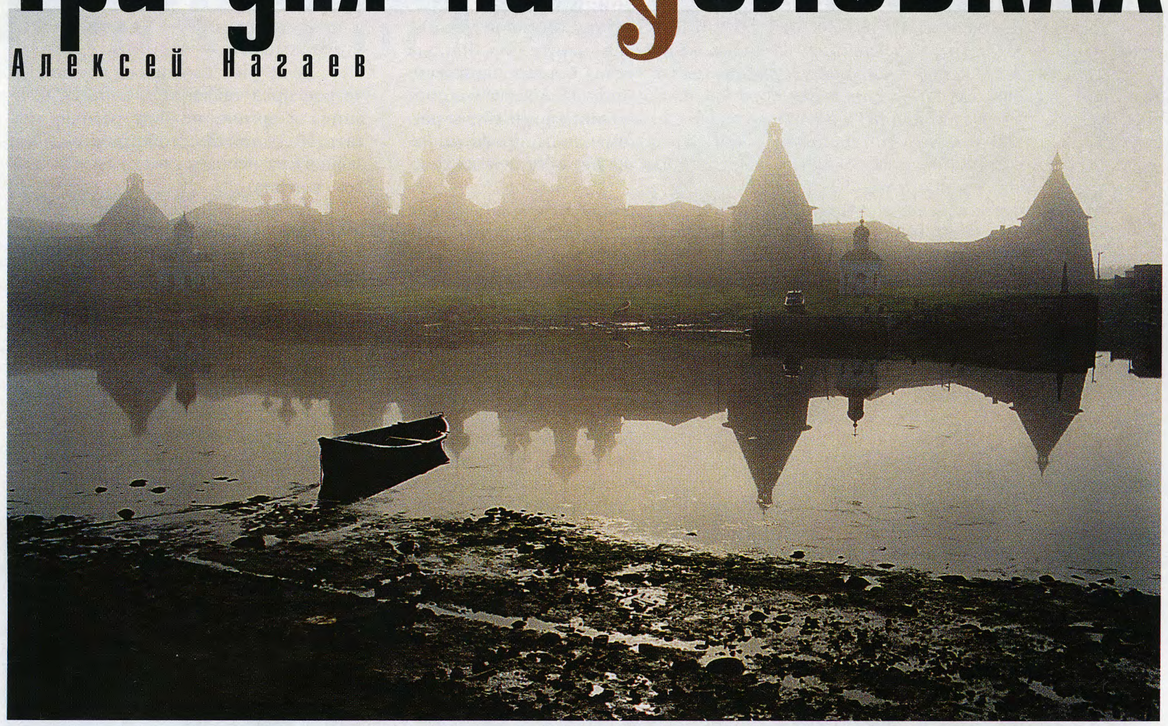
Три дня на Соловках

Алексей Нагаев



Путешествие по России сейчас многим представляется гиблым делом. Мол, за те же деньги мы лучше в Турцию съездим: там и сервис, и многозвездные отели, и море теплее. Путешественник по России сегодня выглядит немного чудаком, на него смотрят с подозрением. Но все же душа многих русских увлекает их в такие поездки, оставляющие в сердце впечатления, которых никогда не получишь на средиземноморских курортах.

Соловецкие острова – место необыкновенное, оно не оставит равнодушным путешественника, властно завладевая его сознанием, волнуя древней и трагической историей, очаровывая неповторимой красотой пейзажей. Здесь, вблизи Полярного круга, среди холодного Белого моря, на протяжении многих столетий создавались уникальные памятники культуры.

Сердце архипелага – основанный в XV веке Соловецкий монастырь, помнящий Смутное время и церковный раскол XVII века, когда восемь лет (1668-1676) оборонялись монахи-староверы от царских войск (знаменитое «Соловецкое сидение»), петровские реформы, строительство флота и героическую оборону крепости от английской эскадры во время Крымской войны (1854).

Годы репрессий вписали мрачную страницу в историю архипелага: Соловецкие лагеря особого назначения (СЛОН) на протяжении двух десятилетий служили тюрьмой для инакомыслящих, само слово «Соловки» приобрело зловещее звучание, ассоциируясь с лесоповалом, пытками, смертью. В память об узниках СЛОНа в Соловецком государственном историко-архитектурном и природном музее-заповеднике (существующем с 1974г.) создана музейная экспозиция.

Наш путь на Соловки начался в Архангельске. Ровный бег поезда, полустанки и заря всю ночь (стояли белые ночи), странное и страшное ощущение жизни, и в полчетвертого утра – каленокрасный диск солнца, взошедший над рекой возле Мудьюги... И снова короткие остановки, бег поезда, пустые полустанки, тишина и лес, лес, лес... Я стоял у окна, в лицо бил ветер, принося смешанный с дымом тепловоза запах севера...

В полдень прибыли в Кемь – ближайший к архипелагу материковый порт. С катером повезло: он был соловецкий, а не кемский, а потому, рано или поздно, ушел бы на остров, даже без пассажиров. Капитан, загоравший на палубе, решил все же подождать прибытия в Кемь поезда Москва-Мурманск и не ошибся: в нашу компанию влились три старушки-паломницы, студентка из Петербурга и возвращающийся домой дембель – сосед капитана.

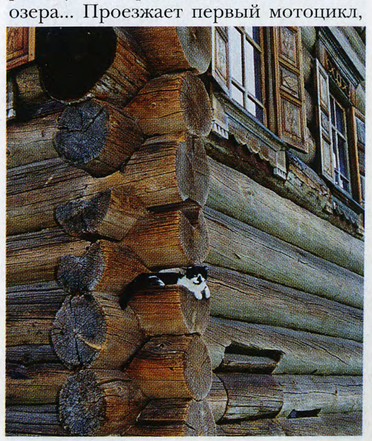
Весь день прозагорав на нагретых досках причала, мы, наконец, вышли в море, оставив позади скалистые берега Кеми. День был чудесный, но к вечеру небо заволокло, хотя настоящих сумерек все равно не было. Белесая серая громада неба сливалась на горизонте с морем, и, управляя катером, можно было почувствовать себя заброшенным в северную Атлантику. Капитан представился нам Леней, хотя на самом деле он мой тезка. Они с «боцманом» и единственным матросом в одном лице, почему-то «Пушкиным», предоставили управление катером нам, справедливо рассудив, что путешественникам это в удовольствие. Держать надо было «вон на ту тучу», а когда впереди появилась белая точка монастыря – на него...

Катер у Лени быстроходный, его подарил монастырю Солженицын (о чем гласит медная табличка), но монахам катер не пригодился и был продан. Новые хозяева – московская турфирма – пользуются им от случая к случаю, и судно практически в полном распоряжении нашего капитана.

Через 2,5 часа мы пришвартовались у Татьяниного причала (Татьянами звали жен трех его строителей) и тут же получили приглашение остановиться в Ленином доме. Нам отвели лучшую комнату с видом на море, накрыли стол; пока мы осматривались в доме, где грубая мебель и лоскутные одеяла соседствовали с корейским телевизором, сынишка Лени успел сгонять на велосипеде по заданию отца за бутылкой «к дяде Коле» (магазин уже закрылся).

Леня познакомил нас с женой Ольгой, учительницей поселковой школы. Живут они с детьми на ее зарплату, да на неверные доходы от перевоза туристов из Кеми.

Утром я проснулся рано и... обомлел: моря за окном не было. Я взял свою камеру и, стараясь не скрипеть половицами, вышел через сени, где пахло шубами и нафталином, на улицу. За пеленой тумана не было видно даже соседних домов, но я знал, в какой стороне монастырь, и бодро пошел по дороге, открывающей иногда то дерево, то угол сарая. На улице не было ни души. Совершенно не представляя, как должен выглядеть монастырь в туманной вате, я вдруг увидел его. Точнее, я увидел обесцвеченные циклопические валуны и понял, что я у подножия одной из башен монастыря, шатровое завершение которой растворялось в дымке. Немного постояв, я смог уже различить стены и контуры другой башни, только все белесое, бесцветное, как бы бесплотное. Я прошел вдоль монастырской стены, теряя одни башни, открывая другие; в поисках точки съемки обошел вокруг озера... Солнце вяло продиралось сквозь дымку, которая вдруг стала быстро таять, высвечивая одну за другой церкви, башни. И вот уже весь сросшийся с небом мистический город опрокинутым отражается в глади Святого озера... Проезжает первый мотоцикл,



мужики тащат доски, появляются звуки, потом цвета, становящиеся все насыщеннее, и я оказываюсь на поселковой улице, возле серых деревянных домов, возле сараев, между которыми на веревках развешено белье. Будто проснувшись, я увидел теперь монастырь таким, каким он глядит с открыток и страниц альбомов: с оранжевым мхом на башнях, с белыми храмами на фоне синевы неба.

Обратно возвращаюсь по пыльной деревенской дороге и выясняю, что монастырь прекрасно виден и от Лениного дома, стоящего на самом краю поселка.

Леня собирался проверять сети, и мы напросились «помогать». Грести пришлось мне. Попавшую камбалу и присасывающихся ко дну лодки пинагоров осторожно выпутывали из сети и складывали в большую корзину. Рыбалка – основное занятие мужского населения острова. Ловить сетями, наверное, нельзя, но денег на острове ни у кого нет, живут практически натуральным хозяйством, выменивая рыбу на спиртное и хлеб. Раньше многие держали поросят, покупая пищевые отходы с туристических теплоходов, теперь теплоходы с туристами приходят так редко, что свиней кормить нечем.

Машин на острове мало: некуда особенно ездить, всего две дороги, бензин дефицитен, но по случаю приезда «гостей» хозяин раздобыл у начальника охотхозяйства древний «газик». Коробка передач, карбюратор барахлили, но все же это была машина, и мы за день смогли побывать и на Секирной горе, и на соединенных каналами теплых озерах, и в Ботаническом саду.

Секирная гора с необычной церковью-маяком, свет которого виден в море за 60 км, – высшая точка острова. Со смотровой площадки у основания церкви открывается волнующая панорама на безграничные лесные массивы, искрящиеся на солнце озера, заросшие болота, полосу моря вдали. Несмолкаемый шум ветра дополняет впечатление «истинного севера».

Кульминацией нашей экспедиции вглубь острова, по замыслу хозяев, должна была стать уха. Она и вправду удалась на славу, но пока мы ели рыбу, нас съели свирепые северные комары, от которых на каналах и в лесу нет спасения даже в дыму костра. Блаженствовать можно было, только нырнув в теплую, как парное молоко, воду (а в Белом море купаться холодно).

На следующий день мы отправились на небольшом катерке (солженицынский неимоверно прожорлив) на заповедные Заяцкие острова, покрытые неолитическими валунными лабиринтами – одной из неразгаданных загадок археологии.

Деревянная Андреевская церковь, поставленная на Большом Заяцком в 1702 году по указу Петра I, чьим небесным покровителем был св. Андрей Первозванный, открыта всем ветрам среди низкорослой стелющейся растительности и монументальных валунов, но внутри нее пусто и тихо...

Вернувшись на остров Соловецкий, на причале познакомились с местным парнишкой Юрой и его сестренкой Валей. Родители юных соловчан не имеют источников дохода, отец Юры инженер, у него даже лодки нет... Дети сами зарабатывают на пропитание себе и родителям продажей открыток туристам и проведением весьма необычной экскурсии по монастырю. Вообще вход в обитель свободный, там есть музей, посвященный истории монастыря, от основания его старцами Савватием и Германом в XV в. и соловецкого сидения XVII в. до ГУЛАГа и современности... Но Юра предлагает «уникальную» экскурсию, говорит, что заплатим мы по окончании ее по желанию, в зависимости от того, как нам понравится. Отказаться невозможно, и через «потайную дверь» мы проникаем в пятиглавую Успенскую церковь (1602г.), поднимаемся по узкой темной лестнице в толще стены, вылезаем на крытую железом горбатую крышу... Захватывает дух. Весь монастырь, как на ладони, все под нами: дома поселка, лес, море, выше – только главы с крестами. Юра увлекает нас дальше по крышам, идти нужно по коньку кровли, чтобы жесть под ногами не грохотала и нас не заметили монахи. Перебираясь с крыши на крышу, оказываемся на Спасо-Преображенском соборе (1558-66г.г.). Спускаясь вниз, протискиваемся в какое-то узкое окно, потом выходим на стену и лезем на одну из башен кремля по хлипкой гнилой лестнице... В заключение экскурсии взбираемся на звонницу; Вале туда нельзя. «А то потом одна полезет, разобьется», – серьезно рассуждает Юра. Ей очень хочется с нами, и даже обещание мороженого с гонорара за экскурсию не помогает, приходится нашему гиду закрыть узкий лаз тяжелой доской. Юра доволен: теперь сестра в безопасности. На колокольне (1771г.) он предлагает нам сделать снимки. Объяснять ему ничего не надо, Юра уверенно управляется с моим Canon`ом... Спустившись вниз, все перемазанные известкой, полные впечатлений, мы награждаем нашего проводника, и брат с сестрой бегом мчатся в магазин...

Вечером того же дня гостеприимные хозяева истопили для нас баньку, а сами сели писать письма и готовить посылки своим московским знакомым, чтобы передать с нами.

Расставание рано поутру было трогательным, чувствовалось, что Лене с Олей очень неловко брать с нас деньги (только ввиду крайней нужды, на лечение дочери). Конечно, приглашали приезжать, на ответное предложение с грустными вздохами отвечали, что у них «много дел», что «уж лучше вы...». Уезжать не хотелось: за эти три дня мы так сроднились душой с этим удивительным краем и его жителями. Уезжая, не сомневались: мы еще вернемся сюда!